

РЕГИСТРАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ОСНОВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТАХ СССР

ФАЗИЛОВА Г.Х.

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына

УДК. 947.1/9 (575.2)

После распада СССР в Кыргызстане возник идеологический вакуум. По данным Госкомиссии по делам религий, на 30 декабря 2012 года произведена учетная регистрация 2168 объектов религиозного назначения. Из них 1791 объект - исламского направления, или 82,61% от общего числа зарегистрированных религиозных объектов. Актуальность данной статьи заключается в том, что опыт идеологического воспитания и влияние государственных органов и структур на религиозные общины в СССР мог бы оказаться полезным для Госкомиссии по делам религий в Кыргызстане.

В идеологическом воспитании масс в период постепенного перехода от социализма к коммунизму вопросы регулирования религиозного движения занимали немаловажное место. В СССР религия была отделена от государства, и исповедание религии являлось частным делом каждого гражданина.

Официальное и фактическое отделение религии от государства было проведено декретом Совнаркома 23 января 1918 года. В этом декрете говорилось «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие правонарушения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или не исповедания никакой веры отменяются».

В ст. 124 Конституции СССР 1936 года сказано, что свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Начиная с 1943 года Советское правительство издало ряд законов, направленных на упорядочение дела по урегулированию религиозного движения. В частности было создано два Совета при Совете Министров СССР: Совет по делам русской православной церкви, занимающийся регулированием вопросов, связанных с православным вероисповеданием и Совет по делам религиозных культов, занимавшийся регулированием вопросов, связанных с остальными религиями. Эти Советы на местах, при Советах Министров Союзных и автономных республик, и при краевых и областных исполкомах имели своих уполномоченных.¹

Коммунистическая партия руководствовалась убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности по всей общественно - хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремилась к «полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду». При этом отмечалось, что необходимо «заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма» (Программа ВКП(б), §13).

В связи с тем, что в конце 40-х годов была проведена некоторая работа по регулированию религиозного движения - открыт ряд церквей, мечетей, храмов и других молитвенных зданий, верующие свободно и без особых разрешений стали производить колокольный звон и призыв муэдзинов с минарета или крыши мечети.

Для того, чтобы понять, почему начиная с 1943 года церкви, мечети и другие молитвенные дома вновь открылись для верующих, необходимо вернуться в прошлое.

¹ ЦГАКР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.17

Существовало утверждение, что всякая религия по своей сущности и содержанию является реакционной. С самого начала существования Советской власти духовенство всех без исключений религий восстало против Советской власти. В иностранной интервенции, в армиях белых генералов, в разных бандитских выступлениях и во всех выступлениях против Советской власти религия во главе с духовенством играла самую активную роль.² Религиозное духовенство активно выступало против всех мероприятий Советской власти: против хлебозаготовок, против индустриализации страны, против коллективизации сельского хозяйства. В Средней Азии духовенство было вдохновителем и организатором басмаческого движения, носителем панисламистских и пантюркистских идей. Духовенство всех религиозных течений и толков активно выступало против коллективизации. Например, известно, что мусульманское духовенство Средней Азии во время коллективизации сельского хозяйства вело активную борьбу против этого мероприятия Советской власти, всячески «доказывало» несовместимость идей коллективизации с идеей ислама; вело агитацию, разъясняя верующим, что не только орудия производства, но и женщины будут обобществлены, что дети будут отобраны от родителей и т.д.³ Советская власть вела борьбу с такими элементами, карало духовенство за контрреволюционные и антиколхозные выступления. Когда стали арестовывать и судить духовенство и реакционных элементов из верующих за антисоветскую деятельность, рядовым верующим показалось, что их судят за религию, религиозные общины, оставшиеся без духовенства самораспустились, церкви, мечети не посещались и запустились.⁴

Согласно «Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви» принятом [Советом Народных Комиссаров РСФСР 23 января \(5 февраля\) 1918 года](#) и имевшему конституционное, основополагающее значение в [религиозной](#) сфере, все имущество церковных и религиозных обществ, в том числе и молитвенные здания, становятся народным достоянием и отдавались в бесплатное пользование религиозным общинам для отправления религиозных обрядов. Поскольку после самороспуска религиозных общин эти здания пустовали, местные органы власти не могли оставить беспризорно народное достояние и были обязаны заботиться об использовании этих зданий для других целей.⁵ Некоторым показалось, что Советская власть закрывает церкви, мечети, разгоняет религиозные общины, а в действительности она не закрывала церкви. Наоборот, Советская власть предоставляла каждому гражданину право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Но свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивалось постольку, поскольку эти обряды не нарушали общественного порядка и не нарушали закона о религиозных культах. В случае если отправление религиозных обрядов какого-нибудь вероучения нарушало общественный порядок и сопровождалось посягательством на права граждан, органы власти имели право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности. Это относилось к таким религиозным течениям, как секта скопцов или секта хлыстов разных толков, занимавшихся изуродованием человека, или старообрядцев краснодраконовского толка или молокан-прыгунов, адвентистов-реформистов, вольных субботников, меннонитов и тому подобных религиозных течений, которые не признавали Советскую власть и ненавидели ее, выступали против службы в Советской армии. В связи с этим Советское государство выступало против таких изуверств, не разрешала таким религиозным течениям свободно отправлять религиозные обряды.⁶

²ЦГАКР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.18

³Там же

⁴ЦГАКР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.19

⁵Там же

⁶ЦГА КР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.20

Мероприятия Советского Правительства направленные на урегулирование религиозного движения, главным образом, были вызваны тем, что основная часть духовенства и верующих пошла навстречу Советской власти, поэтому руководство страны создало специальные органы по вопросам регулирования религиозного движения, введения этого движения в организованное русло. Деятельность этих органов не была направлена на вмешательство во внутренние дела церкви, а направлена только на наружное оформление религиозных общин и главным образом - в разрешении вопросов об открытии молитвенных зданий там, где их открытие считалось целесообразным и возможным; в регистрации религиозных общин, служителей культов и исполнительных органов религиозных обществ (церковных советов).

Согласно действовавшим законам, принимались на рассмотрение ходатайства верующих об открытии молитвенного здания или молитвенного дома, подписанные не менее чем 20-ю гражданами СССР, достигшими совершеннолетия, не лишенными избирательных прав и являющимися постоянными жителями прихода, где предполагалось открыть молитвенное здание.⁷

Основным критерием для открытия молитвенного здания являлась целесообразность открытия его в данном населенном пункте. Исполком Совета, вынося по ходатайствам верующих об открытии молитвенного здания положительного заключения, исходил из целого ряда соображений. Немаловажное значение имело так же наличие молитвенного здания. Если бывшее молитвенное здание было занято под культурно-просветительное учреждение, школу, больницу, под жилые квартиры, можно было отклонить ходатайство о возвращении его верующим.⁸

Также можно было отклонить ходатайство, если бывшее молитвенное здание занято под промышленные предприятия и подвергавшееся переоборудованию или расширению путем пристройки. Закон устанавливал, что использование бывшего молитвенного здания под склады не может служить основанием для отклонения ходатайства верующих. При отсутствии бывшего молитвенного здания, могущего быть переданным для использования по прямому назначению, верующие могли арендовать помещение под молитвенный дом в коммунальном или частновладельческом жилищном фонде и возбудить ходатайство об открытии. Годность помещения для молитвенных собраний устанавливалось заключением местных органов коммунального хозяйства, санитарного надзора и противопожарной охраны. Религиозные общины могли приступить к своей деятельности только после разрешения вопроса об открытии молитвенного здания и получения религиозной общиной от Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви или Совета по делам религиозных культов соответствующих документов о регистрации религиозного общества и служителя религиозного культа. Открытое молитвенное здания передавалось религиозной общине на бесплатное и бессрочное пользование по особому договору, один экземпляр которого хранился в делах исполнительного органа общины.⁹

Совет Министров СССР специальным постановлением запретил слом или переоборудование бывших молитвенных зданий без соответствующего разрешения Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Политический смысл этого закона заключался в том, что переоборудование молитвенных зданий могло оскорбить религиозные чувства верующих. Тем более не могло быть переоборудовано молитвенное здание для содержания скота. Снос и слом бывших молитвенных зданий допускался только по специальному разрешению Совета по делам религиозных культов.¹⁰

В связи с этим был издан приказ министра культуры СССР за № 369 от 8.06.1962г. «О мерах по сохранению художественных ценностей, памятников литературы и произведений прикладного искусства в действующих и недействующих церквях, соборах

⁷ Там же, л.21

⁸ Там же, л.29

⁹ ЦГА КР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.30

¹⁰ Там же, л.35

и других культовых зданиях». В приказе отмечалось, что местные органы культуры бесхозяйственно и не по - государственному относятся к делу учета и сбережения художественных ценностей, памятников литературы и произведений прикладного искусства, находящихся в пользовании религиозных обществ, а также ценностей, остающихся в церковных и других культовых зданиях, закрываемых в законном порядке;

-не осуществлялся должный контроль за сохранностью предметов церковного оборудования, росписи и других памятников старины, хранящихся в церковных зданиях, объявленных памятниками культуры и состоящих на охране государства, вследствие чего последние подвергались порче, разрушению, хищению;

-плохо контролировалась методика и качество работ по реставрации росписей и другого внутреннего убранства действовавших церквей и ухудшалось состояние ценнейших памятников такого рода.¹¹

В целях устранения отмеченных недостатков, этим приказом местные органы культуры были обязаны:

1. Провести учет и изучение художественных ценностей, памятников литературы, произведений прикладного искусства, находящихся в пользовании религиозных организаций.

2. Обеспечить учет и сбережение произведений (росписей, икон, рукописей и печатных изданий, предметов прикладного искусства и т.д.), имеющих художественную и историческую ценность и находящихся в составе церковного имущества и убранстве церквей и других культовых зданий, закрываемых в соответствии с законодательством о культурах.

3. Не допускать при закрытии церквей ликвидации церковного имущества и убранства без заключения специальной комиссии из искусствоведов, представителей органов охраны памятников культуры и местных краеведческих музеев.¹²

Придавая должное значение проводимым мероприятиям по учету и сохранности художественных ценностей, памятников литературы и произведений прикладного искусства, находящихся в действующих и закрываемых церквях и других культовых зданиях, Совет обязывал Уполномоченных Совета по делам религий оказывать местным органам культуры необходимое содействие и помощь в этом деле. Было необходимо своевременно информировать местные органы культуры о закрываемых церквях и молитвенных домах с тем, чтобы дать им возможность сделать соответствующее заключение по церковному имуществу и убранству, имеющему художественную или иную ценность.

Молитвенные здания могли быть закрыты, а религиозные общины могли быть распущены только в том случае, если имелось заявление не менее двух третей учредителей религиозного общества о снятии их подписей с заявления о регистрации общины, при условии, если в течение двух недель со времени подачи такого заявления не поступит протест со стороны остальных членов религиозного общества (в количестве не менее 20-и человек) с обязательством принять на себя все условия договора о пользовании молитвенным зданием и культовым обществом действующего законодательства, или не соблюдения верующими договора о передаче им в пользование молитвенного здания и культового имущества. Закрытие ранее открытого молитвенного здания и роспуск зарегистрированной религиозной общины допускался только решением Совета по делам русской православной церкви или Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, по которому Уполномоченный Совета представлял соответствующие материалы с заключением облисполкома или Совета Министров.

Вся работа по приему, учету и предварительному рассмотрению заявлений верующих, проведение необходимой проверки и составление заключений по ним

¹¹ЦГА КР, Ф.1631, оп.2, ед.хр.49, л.73

¹²ЦГА КР, Ф.1631, оп.2, ед.хр.49, л.74

производилась только Уполномоченными Советов по делам Русской Православной Церкви и по делам религиозных культов, состоящих при облисполкомах.¹³

Если какие-нибудь ходатайства верующих попадали в городские или районные исполкомы, они направляли эти ходатайства Уполномоченному Совету по делам русской православной церкви или Совету по делам религиозных культов по принадлежности.

Уполномоченный Совет производил соответствующую проверку, вносил свое заключение в облисполком. Если Уполномоченный Совет считал целесообразным и возможным удовлетворение ходатайства об открытии молитвенного дома и облисполком согласен с этим заключением, то весь материал с заключением облисполкома Уполномоченный Совет представлял в Совет по делам русской православной церкви или в Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. В свою очередь Совет свое заключение представляли на одобрение Правительства СССР и только после этого принималось окончательное решение - открывать или не открывать молитвенное здание и принципы разрешения вопросов в ряде мест Киргизской ССР иногда нарушался местными органами власти. Известны факты, когда вопросы открытия молитвенных зданий разрешались на местах исполкомами местных Советов непосредственно. Например, Пржевальский горисполком в 1945 году без соблюдения порядка прохождения ходатайств об открытии молитвенных зданий сам открыл в городе Пржевальске одну мусульманскую мечеть и один дом молитвы евангельских христиан-баптистов. Поэтому Совет был вынужден зарегистрировать эту религиозную общину, как фактически уже действующую.¹⁴

Религиозным обществам разрешалось, в необходимых случаях, строить новые молитвенные здания, но постройка их могла быть санкционирована только Советами по делам религиозных культов с одобрения Правительства СССР.¹⁵ Механизм реализации был следующим: ходатайство на постройку молитвенного здания после проверки Уполномоченным Советом по делам религиозных культов: выяснения вопросов, связанных с земельной площадью, со строительными материалами и обеспеченности религиозной общины необходимыми средствами, а также с заключением облисполкома или Совета Министров о целесообразности постройки нового молитвенного здания представлялось в Москву, и только после этого могло быть начато строительство. На практике в Киргизской ССР в некоторых районах этот принцип нарушался, и на местах строились молитвенные здания без разрешения местных Советов. Так, в Джалал-Абадской области в конце 40-х годов самовольно было построено 9 мусульманских мечетей, в Кировском, Таласском, Буденовском районах Таласской области, в колхозе «Путь к социализму» Сталинского района, в колхозе «Кара-Ой» Чуйского района, в поселке Кант Кантского района, в колхозе «Дон-Тала» Тонского района, в с. Чаек Джумгалского района. Это говорит о том, что местные работники сочувственно относились к самовозникшим религиозным общинам, построившим молитвенные здания.¹⁶

Таким образом, все постановления, принятые директивными органами сыграли большую роль в постановке и решении важных задач массово-политической, идеологической работы партийных и советских органов на местах, обязывали учитывать особенности религиозных конфессий, местных условий и осторожного подхода к вопросам атеистического воспитания.

Литература:

1. Абдылдаев М. Из истории религии и атеизма в Кыргызстане. – Б., 1991
2. Аширов Н. Ислам и нации. – М., 1975
3. Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка. - М.: Издательство Московской Патриархии, 2002

¹³ ЦГА КР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.31

¹⁴ ЦГА КР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12, л.22

¹⁵ Там же, л.23

¹⁶ Там же, л.24

4. ЦГАКР, Ф.2597, оп.1с, ед.хр.12
5. ЦГА КР, Ф.1631, оп.2, ед.хр.49